

*Е.Г.Гимпельсон,
доктор исторических наук*

Политико-нравственный обобщенный "портрет" руководящих советских кадров. 1917-1930 гг.

Важнейшая часть проблемы власти — это люди, определяющие характер установившегося режима, проводящие в жизнь его политику и использующие все средства принуждения и идеологического воздействия.

Октябрьская революция прервала кадровую преемственность и вытолкнула во власть людей из прежде безвластных социальных слоев.

¹ Российские вести. 1999. 10 марта.

Е.Г.Гимпельсон, 2002

Дореволюционную управленческую бюрократию сменила новая — "рабоче-крестьянская", партийно-государственная бюрократия во главе с большевистской элитой. Ее представители происходили из различных социальных и культурных сред, но большинство из них вошли в революцию с жадной социальной справедливости, верой в то, что учение К.Маркса освещает путь в прекрасное коммунистическое будущее, и что они своей борьбой, жертвенностью прокладывают этот путь для всего человечества.

Люди, занявшие государственные посты, опыта управления не имели, в партии они были известны как революционные "вожди", теоретики и пропагандисты. В состав руководящих кадров влились десятки тысяч "людей из народа" — малограмотные, малокультурные и просто карьеристы, воспользовавшиеся членством в правящей партии в целях, далеких от первоначальных, пусть утопических, но высоких идеалов большевиков-подпольщиков. В годы сталинских репрессий многие управленцы того времени были "вычеркнуты" из истории. Как бы мы ни оценивали деятелей тех лет, свой след в истории страны они оставили. Да, этот след окрашен кровью тысяч людей, вольно или невольно втянутых в братоубийственную гражданскую войну. Но он — напоминание не только об ошибках и преступлениях, но и о трагедиях людей, руководствовавшихся благими, хотя и иллюзорными идеями, считавших, что для достижения "всеобщего равенства" все средства дозволены. В конечном счете эти люди сами становились жертвами революции и ее стихии, уже во многом им неподвластной.

В интересующие нас годы берет начало феномен партийно-государственной номенклатуры, обладавшей на протяжении семи десятилетий монополией на власть во всех сферах общественной жизни и опиравшейся на мощную государственную политическую и военно-репрессивную машину. Знание истоков начального процесса превращения этих кадров в "командную силу", их менталитета, социальной психологии, "философии" многое объясняет и при осмыслении последующей советской и даже постсоветской истории.

В советской историографии проблема руководящих кадров революции и послереволюционного десятилетия представлена особенно бедно и ущербно, она обезличена, сведена к очень узкому кругу "вождей" — В. Ленину, И.Сталину и нескольким их соратникам. Под сталинские гильотины попали огромные массы управленцев всех государственных звеньев, не только центральных, но и местных. Сведения о них стали недоступны, уже одно это исключало возможность объективного и всестороннего анализа кадров — "творцов Октября", пришедших к власти и возглавивших советские аппараты управления.

Известно, что интеллектуальный уровень членов первого большевистского правительства (наркомов) во главе с В.Лениным был довольно высокий: высшее образование имели семь человек, сред-

нее — пять, низшее — три человека. До революции главной для всех наркомов считалась революционная работа, а не работа по профессии. И те, кто имел низшее образование (Сталин, Шляпников, Шмидт), по начитанности, знаниям в различных областях социально-политических и экономических наук оказались незаурядными людьми, хотя знания накапливали и интерпретировали прямолинейно-однозначно в свете марксистских идеологических постулатов. Ими они руководствовались, участвуя в революционном движении, и в дальнейшем на наркомовских постах.

"Вхождение" в революцию будущих советских управленцев было схожим. Эпоха нарастания в России революционного движения втянула юнцов из мещанской, интеллигентской и рабочей среды в политику, марксизм стал для них путеводной звездой. После же Октябрьского переворота они в соответствии с их революционными "заслугами" выдвигались на руководящие советские посты. Как правило, они имели высшее или незаконченное высшее и среднее образование.

На ключевых позициях государственного управления большевики сосредоточили интеллектуальный потенциал своей партии: коммунистов с высшим и средним образованием. Выходцы преимущественно из состоятельных классов — буржуазии, дворян, мещан — они, однако, не считали себя выразителями интересов угнетенных, прежде всего пролетариата. Поскольку большевики именовали себя партией рабочих, их авангардом, то занятие ими руководящих постов в государстве якобы означало осуществление принципа: "управляет страной пролетариат". Между тем рабочих по происхождению или профессии на этих постах было мало, да и они, будучи профессиональными революционерами, ими никогда не были или давно перестали быть. Не имея образования, полученного в учебных заведениях, но активно участвуя в организационной и политической работе большевистской партии и занимаясь самообразованием, они все же сумели проявить способности, деловые качества, позволившие достичь верхних ступеней управленческой иерархии.

Весной 1918 г. В. Ленин стал отказываться от постулата о том, что сами рабочие и крестьяне сумеют управлять государственными делами, налаживать хозяйство "даже лучше", чем прежние господствующие классы. Оказалось, что "каждая кухарка" не способна этим заниматься, и В. Ленин выдвинул задачу привлечения к управлению специалистов, готовых служить Советской власти¹. Уже в 1918 г. в государственном аппарате на административных должностях работало их немало. Однако недоверие к беспартийным специалистам оставалось. Даже при их добровольном согласии "слу-

¹ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 36.

жить" новой власти им всячески ограничивался доступ к занятию управленческих должностей. Все же крайняя необходимость иметь специалистов на многих руководящих постах вынуждала закрывать глаза на их "непролетарское происхождение" и отсутствие партийного билета. Постепенно и в партийных установках по проблеме подбора кадров усиливался акцент на необходимость учитывать не только "политические качества", но и профессионально-деловые. В программе РКП(б), принятой в марте 1919 г. VIII съездом партии, записано: "Задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство специалистов науки и техники, несмотря на то, что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазным мировоззрением и навыками"¹.

IX съезд партии в апреле 1920 г., повторив требование программы РКП(б) "вести непримиримую борьбу с невежественным самомнением, считающим, что рабочий класс может разрешить свои задачи без специалистов буржуазной школы", вместе с тем в резолюции подчеркнул, что "каково бы ни было социальное положение руководителя, содержание руководства является проявлением пролетарской диктатуры". В этой резолюции просматривается и остающееся еще недоверие к специалистам: пролетарская диктатура не только заставляет работать руководителей в определенном направлении каково бы ни было их социальное положение, "но и ставит свой глаз в лице рабочего комиссара"².

С особой остротой встал вопрос об использовании специалистов в сфере экономики, так как с некомпетентным руководством невозможно было преодолеть упадок производства.

Все более или менее грамотные и особенно с каким-либо образованием коммунисты центральных хозяйственных ведомств занимали руководящие должности.

Проведенная В.З.Дробижевым и Е.И.Пивоваром обработка анкет служащих центрального государственного аппарата (наркоматов), заполненных во время переписи летом-осенью 1918 г., показала, что 34,4% всех коммунистов аппарата были на руководящей работе.

Попытка составления политико-нравственного портрета руководящих советских кадров 1917-1930 гг. сделана мною на основе анализа корпуса управленцев, заполнивших после революции правительственные, центральные и местные государственные органы власти и управления. Имеются в виду их компетентность, умонастроение, социальная психология — одним словом, качественный состав кадров, влияние на него гражданской войны, затем нэпа.

Прежде всего — о некоторых общих выводах, полученных на основе опыта государственного строительства в послереволюцион-

¹ КПСС в резолюциях... М, 1983. Т. 2 С. 85-86.

² Там же. С. 258.

ные годы. Первый — несостоятельность идеологического постулата большевиков, что рабочие сами могут управлять государством. Это вынужден был признать сам В. Ленин.

Управленческую иерархию возглавляли руководители, получившие название "номенклатура". Непосредственно кадрами ведали Оргбюро ЦК РКП(б) и функционировавший под его руководством Учетно-распределительный отдел ЦК.

Попав в "номенклатурную обойму", руководитель-коммунист в дальнейшем был "непотопляем", он становился как бы руководителем-универсалом, "способным" возглавить любую отрасль административного управления. Появилась "специальность" — "руководящий номенклатурный работник", для которой не требовалось ни специального образования, ни опыта. Это и позволяло перебрасывать таких работников с одной должности на другую, из одной отрасли в другую. Передвижение их из центра в губернии, из учреждения в учреждение вели к текучести кадров, снижали ответственность за работу, так как руководители чувствовали себя как бы временными работниками.

Важным фактором формирования психологии кадров была "военно-коммунистическая" идеология, убеждение, что Россия — страна "диктатуры пролетариата", не дожидаясь победы социалистической революции на Западе, вот-вот вступит в социализм и этого достичь можно методами принуждения. Все это питало умонастроения кадров управления и оказывало влияние на их практическую деятельность.

Гражданская война создала простор для правового нигилизма, произвола должностных лиц, благоприятствовала репрессивной практике чекистских органов. В обстановке нагнетания классовой ненависти, бесконтрольности всемогущей ЧК, жестокости законодательных норм неизбежно было нравственное перерождение даже субъективно честных людей, а ведь кадровый состав руководителей вобрал в себя немало "подонков" общества, карьеристов, прорвавшихся "во власть" из корыстных побуждений. "Нет сомнения, что мы живем в море беззаконности", — констатировал В. Ленин вскоре после окончания гражданской войны, в мае 1922 г.¹

Условия становления этих кадров как государственных деятелей — революция, гражданская война, нагнетание "классовой борьбы", идеологическая ангажированность — стимулировали формирование черт, превращавших управленцев в орудия рвавшегося к власти вождя-диктатора. Они поднимались к вершинам, являясь не только вершителями личной карьеры, но и заложниками своего кумира, жертвами которого вскоре и стали.

У пришедших к власти после Октябрьской революции были черты, объединявшие эту многоликую массу. Одна из них — идеологическое единомыслие. У одних — искреннее, у других — лукавое,

¹ Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т. 45 С. 199.

лицемерное, афишируемое в целях занятия государственных постов. Выражалось оно в обязательной приверженности марксистско-большевистским догмам. Когда большевистская партия стала правящей, к государственному управлению допускались только разделявшие идеологию и политику ядра партии во главе с В. Лениным.

Другая общая черта руководителей — политическая нетерпимость и максимализм: у одних это шло от большевистского фанатизма, жажды скорее, с сегодня на завтра, претворить в жизнь овладевшую ими идею, от жертвенности во имя "прекрасного будущего", у других — от спекуляции идеями. Те и другие воспринимали лозунги пропагандистского характера прямолинейно и однозначно. Сказывалась и революционно-романтическая "военно-коммунистическая" идеология: "Мы строим коммунизм ускоренно, непосредственно, значит, кто не с нами, тот наш враг".

Революция унаследовала от мировой войны ее психологию падения самооценности человеческой жизни. В ходе гражданской войны эта психология еще более обогатилась. Методы фронта переносились на тыл.

Политическая культура, навыки управления, психология руководителей в годы гражданской войны продолжали формироваться в атмосфере чрезвычайщины, разрухи, голода, крайнего централизма управления, "боевых" приказов. Немалую роль играла трактовка диктатуры пролетариата как подавления всех несогласных с ней, по отношению к которым не обязательно соблюдать нормы законности. Партийная установка — относиться к человеку в зависимости от его классовой принадлежности — закрепляла в сознании образ "врага", что благоприятствовало беззакониям, укрепляло убеждение в том, что во имя "исторической" миссии все "дозволено", "цель оправдывает средства". Так терялось представление о том, что нравственно, а что безнравственно. Этому способствовало и отрицание религиозных ценностей, а также "теоретический" постулат: нравственно все то, что служит интересам пролетариата.

Марксистское положение о том, что пролетариат после взятия власти должен отдать буржуазное государство "на слом", имело в виду и "буржуазную законность". Вместо нее большевики предполагали пользоваться "классовым пролетарским правосознанием". Все это вело к разгулу беззаконий в центре и на местах.

Негативные черты многих руководителей-управленцев государственного аппарата не означают, что только черные краски присутствуют "портрету" советского руководителя той поры. Многие из них на всех ступенях власти вызывали к себе симпатии энтузиазмом обновления, стремлением к созиданию "справедливого" общества, увлечением перспективами "коммунистического будущего", во имя которого они жертвовали своей молодостью, обрекая себя на годы тюремного заключения и ссылки. Было немало руководителей, сохранивших совесть, бескорыстие, личную честность. Чи-

На XIII партийной конференции (январь 1924 г.) И. Сталин говорил: "Наш партийный аппарат, имеющий не больше 20—30 тысяч человек", призван "подчинить партии государственный аппарат", призван "социализировать его". "Чего стоит наш государственный аппарат без поддержки партии? Без поддержки нашего партийного аппарата он мало чего, к сожалению, стоит"¹. В этих словах выражено и недоверие к государственному аппарату, и убеждение в превосходстве над ним партийного. Не удивительно, что работа в государственных учреждениях стала восприниматься как второстепенная, менее "почетная", чем в партийных, к тому же предоставляющая меньше льгот.

Каково было состояние "корпуса" руководящих кадров государственного аппарата в годы новой экономической политики? В поисках ответа на этот вопрос я обратился к переписям кадров государственных структур, производившимся в 20-е годы различными ведомствами — ЦСУ, Наркоматом РКИ, ЦК ВКП(б) и др. Однако их итоги противоречивы, а главное, категория руководящих работников не выделяется из общей массы работников. Исключением является перепись советского государственного аппарата по состоянию на 1 октября 1929 г. Она позволяет получить представление о руководящих кадрах всего спектра основных управленческих структур различных отраслей и уровней (центрального и местного) управления. Перепись охватила 825 086 человек, или примерно четверть состава государственного и кооперативного аппарата СССР, в том числе административных и хозяйственных органов.

Несмотря на ограниченность ее показателей, за неимением других, более полных данных, считаю возможным брать их за основу расчетов и методом экстраполяции судить по ним о состоянии руководящих кадров на конец 20-х годов по основным характеризующим их параметрам: партийности, социальному положению, образованию, возрасту. Перепись позволяет сопоставить по этим критериям различные категории руководителей: "высший персонал" и "оперативно-руководящий", кадры "общего" и "ведомственного" управления в целом по СССР и на местном уровне (областному, окружному и районному). К "общему" управлению отнесены аппараты центральных (наркоматов, ВСНХ) и местных органов (исполкомов советов); к "ведомственному" — функциональные подразделения наркоматов, ВСНХ и областных, окружных, районных исполкомов (отделы, подотделы, секции), а также хозяйственных ведомств; к "высшему управленческому персоналу" — главы центральных и местных органов управления, их подразделений; к "оперативно-руководящему" — руководители оперативной работой учреждений и их частей.

Из итогов переписи прежде всего обращает на себя внимание высокая доля коммунистов среди высшего управленческого персо-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 10.

татель может усмотреть в этой констатации авторское противоречие с ранее изложенным. Но эта противоречивость проистекает из характера и деятельности людей, попавших на государственные посты из большевистской кадровой "обоймы", действовавших в условиях гражданской войны и добивавшихся своих целей диктаторскими приказными методами, что деформировало саму личность. "Яд власти" продолжал формировать большевизм, вызывая сдвиги в его идеологических устоях и в представлениях его "носителей" о собственной предназначенности, роли в строительстве нового мира. Так власть формировала когорту руководителей, во многом определивших особенности функционирования "диктатуры пролетариата".

В годы гражданской войны и чрезвычайщины управленцы, не имевшие образования, знаний, некомпетентные в области своей деятельности, могли руководить командными методами, даже не вникая в технико-экономические специфические вопросы отрасли, а возникавшие вследствие этого провалы в работе "списывались" войной. В условиях же нэпа требовались не умение командовать и бездумное выполнение приказов, а компетентность, известная экономическая или хотя бы общеобразовательная подготовка. "Верхи" партии это понимали, что нашло отражение в резолюции X съезда РКП(б), принявшего решение о переходе к новой экономической политике. Среди критериев подбора персонала на высшие административно-технические должности профессиональная подготовка и личные способности были передвинуты с обычно занимаемого в партийных документах последнего места на первое. Предпочтение отдавалось уже не членству РКП(б), не социальному ("пролетарскому") положению (происхождению), а профессиональным и деловым качествам¹, что в принципе, было на пользу специалистам, интеллигенции, в большей мере обладавшим такими качествами. Но на деле об этом новшестве как бы "забыли", продолжая руководствоваться прежними идеологическими постулатами о "диктатуре пролетариата", о рабочих как правящем классе советского государства, о "враждебности" "непролетарских" классов и социальных слоев трудовому народу.

Задача обеспечения всех государственных структур руководящими кадрами и в период нэпа оставалась трудной. Государственный аппарат разрастался, усложнялся. Новые учреждения возникали на всех уровнях государственного управления. Разветвленные аппараты управления создавались в новых союзных республиках, интенсивно шло строительство автономных республик и областей, и они тоже нуждались в кадрах. Задачи обеспечения ими всех государственных структур решала правящая партия. Ее решения, указания являлись директивными для всех государственных органов, центральных и местных.

¹ КПСС в резолюциях... М, 1983. Т. 2. С. 53

нала общего управления СССР — 76% (ведомственного — 63%). По другим имеющимся данным известно, что высший управленческий персонал центральных органов общего управления СССР — наркомы и другие — полностью состояли из коммунистов. На местном уровне "коммунизация" кадров высших руководящих работников снижалась, но также была очень высокой: в областных исполкомах — 72,3% (при этом все председатели являлись членами партии), в районных — 74,9, в окружных — 81,5%. Значительно меньшей была "коммунизация" "оперативно-руководящих" кадров — 50,5% в общем и ведомственном управлении СССР — 45,6, областном — 39,5, районном — 54,4, окружном 47,1, в управлении промышленными предприятиями — всего 24,6%.

Но не эта категория руководящих работников владела "командными рычагами" — она была в руках ставленников правящей партии, особенно на высших постах центральных и местных органов государственного управления. На XV съезде ВКП(б) нарком РКИ и кандидат в члены Политбюро ЦК Г.К.Орджоникидзе констатировал: "Соваппарат в наших руках... Он — наш аппарат". Это же он повторил на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г.¹ Да, это было так: во всех сферах жизни страны государственный аппарат находился в руках коммунистической партии.

Важнейшим условием реализации курса коммунистической партии на свертывание нэпа и "наступление социализма по всему фронту" явилось наличие в конце 20-х годов командных государственных кадров, заинтересованных в этом курсе, готовых проводить его в жизнь. Это сыграло решающую роль в переходе к сплошной коллективизации, ликвидации остатков "эксплуататорских классов", частной собственности и к утверждению других основ "сталинского социализма".

Данные переписи 1929 г. об образовании руководящих кадров государственного аппарата корреспондируются с их социальным положением. Среди высшего персонала общего управления СССР вузовское образование имели всего 3,7%, на областном уровне — 26,5, на районном — 1,4, на окружном — 6,9%.

Статистика включала специалистов в состав служащих. Перепись 1929 г. дает возможность судить об их участии в управлении. К специалистам, как правило, относились "служащие" с высшим и специальным средним образованием. В конце 20-х годов сворачивание нэпа сопровождалось усилением "спецедействия", обвинениями "буржуазных" специалистов во враждебности к советской власти и вредительстве. Несмотря на это, специалисты составляли значительную часть руководящих работников во всех государственных сферах, особенно в экономических структурах, где невозможно было обойтись без их знаний и опыта. Конечно, их состав изменял-

¹ Пятнадцатый съезд ВКП(б). 1927. Декабрь. Стеногр. отчет. М., 1961. Ч. 1. С. 144; Шестнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М, 1930. С. 312

ся: из него выбывали люди, получившие образование до революции, он пополнялся новыми людьми, заканчивавшими советские вузы, но по численности, а главное, по качеству они еще не могли заменить дореволюционных "спецов". Согласно переписи, свыше 90% специалистов, занимавших руководящие должности, были беспартийными, но на должность с административными функциями назначались, как правило, специалисты-коммунисты.

Перепись содержит и сведения о возрасте руководящих кадров. Наблюдается закономерность: по мере снижения уровня управления увеличивается прослойка молодых (24-29 лет) и уменьшается численность старших возрастов (35 лет и старше). Руководителями низовых органов управления были преимущественно молодые люди (районных исполкомов — 47,6%), в основном это рабоче-крестьянская молодежь с низшим образованием (75-82%). В хозяйственных управлениях самая многочисленная возрастная группа руководителей состояла из 30-39-летних¹.

Статистика возрастного состава руководителей государственных органов различных уровней управления на конец 20-х годов важна для понимания политических событий последующих лет. Абсолютное преобладание на руководящих постах в верхних и средних (областных) органах власти и управления коммунистов старших возрастов (35 и более лет) связано с тем, что представители этого поколения, имевшие большой партийный стаж, сыграли решающую роль в революции и гражданской войне. Значительная их часть еще сохранила высокие должности, полученные за революционные заслуги. Они политически формировались до и после революции, когда партию и государство возглавлял В. Ленин, а затем были свидетелями, а многие — участниками тайных и явных сталинских "технологий" продвижения к личной власти. Отсюда и подозрительно-настороженное отношение к ним И. Сталина. Потом, в 30-е годы, они первыми оказались под топором вождя. Другое дело — поколение молодых руководителей (до 35 лет). Большинство из них политически формировались при "победоносном" восхождении И. Сталина во власть, воспитывались в духе сталинских фальсификаций истории партии, верности новому вождю. Эту возрастную когорту руководителей-коммунистов И. Сталин рассматривал в качестве своей опоры, она служила ему источником кадров для замены ставших негодными представителей "старой ленинской гвардии".

Приведенные данные переписи хотя и не претендуют на полноту, но дополняют обобщенный "портрет" руководящих советских кадров важными деталями. К тому же они показывают результаты проводившейся правящей партией кадровой политики, направленной на овладение всем государственным аппаратом, превращение его в свое послушное орудие. Как видим, эта цель была достигнута.

¹ Бинеман Я., Хейман С. Указ. соч. С. 7, 8 (табл. 1.63).